

Роман Гранин

**Эсхатология
как феномен русской
религиозно-философской
метафизики**

МОСКВА 2025

УДК 87.3
ББК 1.091
Г77

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Гранин Р. С.

Г77 Эсхатология как феномен русской религиозно-философской метафизики. — М.: Тотенбург, 2025. — 144 с.

В монографии осуществляется опыт системного анализа эсхатологической проблематики в русской религиозно-философской традиции. Эсхатология реконструируется как феномен философской мысли того же порядка, что и метафизика всеединства, русский космизм, персонализм, идея богочеловечества. В работе обосновывается тезис, что в рамках русской философии эсхатология выступает в качестве предельного проблемного поля философской метафизики, где мыслится антиномическое совпадение онтологической, гносеологической, антропологической и экзистенциальной проблематики. Эсхатология становится символом трансцендентального горизонта, в котором совпадают история и вечность, божественное и тварное. Каноническое деление эсхатологии на «общую» и «индивидуальную» интерпретируется в экзистенциальных терминах, где историческая эсхатология является своего рода экстериоризацией человеческих представлений и переживаний собственной смертности, опосредованным осмыслением которой на «экзотерическом» уровне выступает смерть символическая, обыгрываемая в ритуалах инициации.

**УДК 87.3
ББК 1.091**

© Гранин Р. С.
© Издательство «Тотенбург», 2025

Содержание

Введение	6
Часть первая. Эсхатология в русском религиозно-философском самосознании: историко-философская ретроспектива	14
Глава I. Эсхатология в христианской религиозно-философской традиции	14
1.1. К вопросу определения понятия «эсхатология» в христианском религиозно-философском дискурсе	14
1.2. Эсхатология в философской артикуляции XX века	23
Глава II. Эсхатологические представления в русской религиозно-философской традиции: от апокалиптики к утопизму	30
2.1. Византийско-русские апокрифы как источник первых эсхатологических представлений в Древней Руси	30
2.2. Историко-эсхатологические концепции в контексте религиозного раскола XVII века	33
2.3. Эсхатология в русском богословии XIX–XX веков	37
2.4. Апокалиптика и утопизм в культуре русского религиозно-философского Ренессанса	41
Часть вторая. Проблема эсхатологии в русской религиозной философии второй половины XIX — первой половины XX века	54
Глава III. Общая эсхатология как проблема русской религиозной метафизики и философии истории	54
3.1. Эсхатологическая утопия Н.Ф. Фёдорова: между «вечным становлением» и «вечным возвращением»	54
3.2. Эсхатология всеединства В.С. Соловьёва	62
3.3. Хилиазм С.Н. Булгакова: между апокалиптикой и эсхатологией	78
3.4. Эсхатологическая парадигма в метафизике пространства-времени П.А. Флоренского	90
Глава IV. Идея индивидуальной эсхатологии в метафизике русского персонализма	99
4.1. Экзистенциальная эсхатология Н.А. Бердяева	99
4.2. Учение Н.О. Лосского о перевоплощении: эсхатологический эволюционизм	109
Заключение	120
Библиография	125
Указатель имен. <i>И.И. Ремезова</i>	142

*Можно открыть темы специфически русские.
Таковыми темами я считаю тему о Богочеловечестве
и тему эсхатологическую, тему о конце истории.*

*Н.А. Бердяев
«Опыт эсхатологической метафизики»*

Введение

Эсхатологические представления о конечных судьбах мира и человека были предметом теоретической рефлексии со времен возникновения первых религиозно-философских доктрин. Интерес к эсхатологической проблематике в различных культах, религиях, философских системах и идеологиях проходит через все эпохи, оставаясь «вечной» темой философии, сохраняя свою актуальность до наших дней. Эсхатологические концепции о конце мира и рефлексия над религиозным смыслом жизни и смерти находили свое отражение в таких памятниках мифологической и религиозно-философской литературы как «Эпос о Гильгамеше», Египетская книга мертвых, Упанишады, Индусская книга смерти (раздел Гаруды-пураны), Апокалипсис (и другие книги Ветхого и Нового Завета), Тибетская книга мертвых (Бардо Тхёдол), «Прорицания Вёльвы» из Старшей Эдды, византийско-русские апокрифы (сказания о мытарствах), в метафизических построениях индийских, греческих, европейских и русских философов.

В основу концепций «общей» (мировой или исторической) эсхатологии положены космогонические представления о бытии (онтология) и историософские концепции, в основу «индивидуальной» эсхатологии — экзистенциально-антропологическая рефлексия о конечности человеческого существования. Смерть всегда имела ключевое значение для философского осмысления человеческого бытия. Так, по знаменитому выражению Сократа, «те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью»¹. Смерть выступает для человека как конститутивный момент жизни и мировоззрения. Мировоззрением определялось развитие того или иного типа эсхатологии; детерминировались построение онтологии человеческого бытия, онтологии «объективного» бытия; взгляд на природу времени и характер вечности.

¹ Платон. Федон. Соч.: В 3 т. (4-х частях). Том 2. М.: Мысль, 1970. С. 21.

Новое осмысление человеческой смертности (индивидуального аспекта эсхатологии) происходит в начале XX века в рамках философской антропологии и экзистенциализма. Так, по выражению М. Хайдеггера, смерть есть экзистенциальный феномен¹, и сама жизнь человека, как конечного существа, есть «собственное бытие к смерти», «бытие-к-концу»². Проблема конечности существования, связанная с темой бытия и ничто, у Хайдеггера, Сартра, Камю трактуется атеистически, у Ясперса, Марселя, Бердяева — в свете христианской эсхатологии. Н.А. Бердяев приходит к собственному экзистенциально-метафизическому пониманию эсхатологии. Генезис его «эсхатологической метафизики» не исторический, а гносеологический и онтологический³. Таким образом, эсхатология Бердяева становится своего рода методом философского познания границ человеческой экзистенции. В этом же смысле, но в отношении к истории, понимает эсхатологию и Д.С. Мережковский: «...эсхатология, возведенная в ранг метода религиозно-исторического познания, вводит всемирную историю в сферу вечности, а не времени, что позволяет выявить границы ее существования»⁴.

Данный аспект эсхатологии становится актуальным в отношении исследования русской философии, имеющей особый интерес к философии истории, в которой эсхатологическая проблематика занимает центральное положение. Так, среди тем специфически русских Н.А. Бердяев называет тему о богочеловечестве и эсхатологию. Подтверждением его слов является философия всеединства и софиология В.С. Соловьёва, где эсхатологические мотивы, относящиеся к общей истории, взаимосвязаны как с бытием всего человечества, так и с судьбами отдельных людей. Поскольку, писал философ, цель жизни каждого человека «неразрывно связана с жизненной целью всех остальных, то личный вопрос необходимо превращается в вопрос общий: спрашивается — какая цель человеческого существования вообще, для чего, на какой конец существует человечество?»⁵ Про

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 240.

² Там же. С. 260.

³ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 381.

⁴ Цит по: История русской философии: Учебник / Под. ред. М.А. Маслина. М.: КДУ, 2008. С. 402.

⁵ Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 140.

себя же Бердяев говорит, что он всегда имел особенный интерес к проблемам философии истории, что его даже часто называли историософом, и этим он вполне в традиции русской мысли, которая всегда была историософической¹. Связь историософии с эсхатологией философ обосновывал тем, что в истории все не удастся и вместе с тем история имеет смысл. Этот смысл лежит за ее пределами, что предполагает ее конец. Поэтому настоящая философия истории должна быть философией истории эсхатологической. Преломленная религиозно, историософия превращается в историодицею — оправдание истории в перспективе апокалиптики (последних времен земной истории, освященных божественным вмешательством). В этом смысле, по замечанию С.Н. Булгакова, апокалиптической в прямом и точном смысле является вся человеческая история².

Апокалиптическое восприятие истории вообще свойственно русскому самосознанию, что может быть связано с утопическим и мессианским мироощущением. Так, согласно В.В. Зеньковскому, над русской мыслью витает дух утопизма, что является свидетельством как радикальной обращенности ее к последним целям истории, так и неумения связать эти цели с исторической реальностью без насилия над нею³. Г.В. Флоровский говорил об утопичности и «мечтательности» обстановки, которую следует учитывать для понимания русской философии⁴. В.П. Шестаков замечает, что русской утопии свойственен критический оттенок, ироническое отношение к оптимистическому прогнозу, которое определяется эсхатологической традицией русской историософии. Не случайно антиутопический жанр появляется именно в России⁵. В этом смысле обращение к эсхатологическим предпосылкам утопизма и мессианства позволяет вскрыть самобыт-

¹ *Бердяев Н.А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. С. 305.

² Философ пишет, что слово «апокалиптический» обычно употребляется в смысле «эсхатологический», тогда как такая равнозначность, на самом деле, им не свойственна (*Булгаков С.Н.* Апокалипсис Иоанна. Париж: YMCA-PRESS, 1948. С. 210). Апокалиптика исторична, эсхатология сверхисторична.

³ *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. (4 кн.). Т. 2. Кн. 3. Л., 1991. С. 150.

⁴ Г.В. Флоровский говорит это прежде всего по отношению к Н.Ф. Фёдорову, но не только: «Понять его всего легче в перспективе его эпохи, в мечтательной и утопической обстановке 70-х годов» (*Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 408–409).

⁵ *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 5.

ные черты русского религиозно-философского самосознания. Утопичность может оставаться лишь «мечтательностью», но также таить в себе и угрозу: враждебность свободе, антииндивидуализм, тоталитаризм. Опасность идеологических форм мессианства и политической утопии требует самого пристального изучения и понимания его оснований (эсхатологического самосознания) и механизмов его претворения в мессианско-утопические проекты.

В ситуации постсовременности эсхатология, ставшая неотъемлемой частью массовой культуры, приобретает новые параметры, прежде всего в контексте обострения известных глобальных проблем. Эсхатологическая проблематика рассматривается в фокусе самоуничтожения человечества, в терминах постапокалиптики и постчеловечества¹. Также в век электронных носителей происходит постепенный перенос значительной части жизни в виртуальную реальность, что может расцениваться как апокалиптический признак конца человеческой истории, делающий проблему исследования эсхатологии чрезвычайно актуальной.

В монографии анализируется система эсхатологических идей и представлений в русском религиозно-философском самосознании и осуществляется историко-философская реконструкция различных версий эсхатологии как феномена русской религиозно-философской метафизики второй половины XIX — первой половины XX века. Сюда прежде всего отнесены эсхатологические концепции Н.Ф. Фёдорова (1829—1903) о воскрешении предков и учение Н.О. Лосского (1870—1965) о перевоплощении; утопические и метафизические аспекты эсхатологии В.С. Соловьёва (1853—1900), идеи Н.А. Бердяева (1874—1948), в которых эсхатология предстает как проблема экзистенциальной метафизики; анализ метафизических предпосылок утопизма Г.В. Флоровского (1893—1979); «софиология смерти» и хилиазм С.Н. Булгакова (1871—1944); а также аспекты метафизики П.А. Флоренского (1882—1937), содержащие в себе эсхатологическую проблематику (концепция «мнимости», аритмология). Работы указанных мыслителей взяты в контексте русского историко-философского наследия и мировой религиозно-философской эсхатологической мысли. Временные рамки исследования обусловлены периодом творчества обозначенных философов.

¹ Пивоваров Д.В. Эсхатология // Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. — 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: Панпринт, 1998. С. 1035.